

³ Фэ Ф. Семантика высказывания. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика, М., 1985. Вып. 16. С. 403.

⁴ См.: Чумак Л. Н. Указ. пр. С. 43.

⁵ См.: Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: Пособие для учителей иностранных языков. М., 1985. С. 34–76.

⁶ См.: Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1984. С. 40–48.

⁷ См.: Пассов Е. И. Указ. пр. С. 108–170.

⁸ См.: Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 45.

Шибко Наталья Леонидовна – преподаватель кафедры прикладной лингвистики. Научный руководитель – доктор филологических наук Л.Н. Чумак

И.М. ДЯТКО

ОТНОШЕНИЕ К ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

В отдельные периоды своего развития славянские языки оказывали друг на друга определенное воздействие, которое проявилось главным образом в области лексики, словообразования, а также синтаксиса.

Становление чешского национального языка проходило в условиях немецкого господства и интенсивного проникновения немецкого языка во все области жизни. Огромное влияние на его становление оказал глубокий интерес к русскому языку, истории и культуре народа, что, безусловно, нашло отражение непосредственно в лексике чешского языка: например, в заимствовании русских слов, выражающих «национальный колорит» языка – *ko-košník* (*čelenka ruského národního kroje*; *druh oblouku u ruských staveb*), *kulebjaka* (*druh pirohu*), *okroška* (*polévka z kvasu a jemně nařezane zeleniny a masa*), *děkabrista* (*učastník šlechtického revolučního poustání v r. 1825 v Rusku*).

Следует отметить и некоторые одинаковые тенденции в развитии двух родственных языков. В русском языке это полемика между архаистами (шишковистами) и новаторами (карамзинистами). В чешском языке также наблюдались тенденции пуризма (т. е. борьбы за чистоту языка), которые в основном проявлялись в стремлении очистить язык от иностранного влияния (в первую очередь от немецкого), использовании своих, исконных слов. Например, чеш. *divadlo* (театр), чеш. *milovník divadla* (театрал). Иногда наряду с заимствованием используются и исконные слова: чеш. *advokát*, *právní zástupce* (адвокат), *cizí prizvuk*, *akcent* (акцент).

Оригинальный характер системы любого языка «выступает с особенной ясностью только при сопоставлении одной системы с другой. Большой интерес в этом отношении представляют языки, находящиеся в тесном родстве, так как именно при наличии большого сходства лексического материала индивидуальные признаки структуры различных систем выявляются с наибольшей ясностью. В этом отношении славянские языки представляют такие удобные и благоприятные условия для исследований, каких почти нет в других языках»¹.

В чешском и русском языках выявляется большой фактический материал, наличие которого обусловлено лексическими лакунами: например, рус. *брага* – чеш. *domácí ruske pivo*, рус. *волжанин* – чеш. *obyvatel Povolzi*, рус. *дачник* – чеш. *letní host*, рус. *горошинка* – чеш. *zrníčko hrachu*, рус. *дровни* – чеш. *selské ruské sáně [nákladní]*, рус. *дурнушка* – чеш. *nehezká dívka*, рус. *мышеловка* – чеш. *past na myši*, рус. *повитуха* – чеш. *porodní babička [bába]*. Лексические лакуны и как следствие межъязыковые пары «цельно-оформленный номинант – его раздельнооформленный эквивалент (заполнитель лакуны)» имеют двойственную природу и составляют две группы: 1) лингвистические, 2) культурологические. Такая дифференциация в син-

хронном срезе анализа имеет относительный характер, хотя этот вопрос, безусловно, заслуживает особого изучения.

Любой язык допускает в своем составе наличие заимствованной лексики и судьба таких слов неодинакова: в одном языке иноязычные слова «чувствуют себя уютно», другой же язык очень настороженно относится к заимствованиям (такая ситуация объяснима не только интра-, но и экстралингвистически).

В русском языке очень много заимствованной лексики. И прежде чем стать полноправными единицами системы русского языка, иноязычные слова «прошли» очень долгий путь (процесс фонетического, морфологического, семантического, лексического освоения). Некоторые заимствованные слова, освоенные русским языком и имеющие широкое распространение, воспринимаются как иноязычные, так как сохраняют отдельные фонетико-морфологические особенности, чуждые русскому языку (отсутствие словоизменения, наличие твердых согласных перед буквой *е* и др.: *кофе, пюре, кафе, митинг, такси, декан...*)².

Иноязычная лексика обогащает словарный состав языка, его стилистические возможности. Однако злоупотреблять ею нельзя, поскольку излишние заимствования приводят к засорению языка.

В чешском языке, безусловно, наблюдается довольно большое количество иноязычных слов. Однако после 1918 г. чешский язык, может быть, как ни один другой, очень ревностно относился к заимствованиям. И если русский язык отверг придуманные А.С. Шишковым русские эквиваленты некоторых иноязычных слов (например, *тротуар – ходыря, фортепьяно – тиходром, инстинкт – побудок, медицина – лечезнание, астрономия – звездачество, эгоист – себятник*), то чешский язык допускает наряду с иноязычным употребление своего слова (*фортепьяно – piano, klavír, медицина – lékařství, medicína, эгоист – egoisto, sobec*), а иногда и считает единственно верным такое употребление (например, *тротуар – chodník*).

Часто заимствованному слову, а также новообразованию в русском на базе заимствования в чешском соответствует раздельнооформленный эквивалент.

Так, заимствованиям в русском языке с одной иноязычной основой в чешском языке соответствуют аналитические номинанты, представленные следующими структурными типами:

I. Заполнители лакун – простые словосочетания. Модели: прилаг. + сущ. (*айсберг – plovoucí ledovec, арьергард воен. – zadní voj, беже – snehová pusinka, бра – nástěnný svícen*); сущ. + сущ. (*аллюр – chod koně, плеврит – zánět pohrudnice*); сущ. + прилаг. (*беркут зоол. – orl sklani, опоссум зоол. – vačice amorická, пеликан зоол. – pelikán ruzový*); сущ. + предлог + сущ. (*бенуар театр. – lóžč v prizemí, кармуз – čepice se štítkem, лумпраж – obsah v literech*).

II. Заполнители лакун – сложные сочетания слов (*бот мор. – menší motorovy [plachetní, veslařský] člun, иллюминатор мор. – kruhové lodní okénko, кумач – červená bavlněná látka; быер – lední saně s plachtou, глинтвейн – horké svařené víno, шамен – muz s kaštanovými vlasy, шквал – prudky naraz větru*).

III. Заполнители лакун – сложные конструкции определительного характера (*гоголь-моголь – zlouček utřeny s cukrem, мапер – hudebník hrající k tanci, шлицрутены – kůl k bití provínícu*).

Как видим, аналитические чешские номинанты передают смысл «чужих» слов описательно конструкциями, разными по своей сложности. Самый большой структурный тип: простые словосочетания (модель – прилагательное + существительное).

Многим иноязычным словам, вошедшим в русский язык и состоящим из двух и более иноязычных слов (без русских частей, аффиксов), в чешском языке также соответствуют аналитические эквиваленты, представленные в основном одним структурным типом: простыми словосочетаниями прилаг. + сущ. (например, *аванпост – přední stráž*, *авиалиния – letecká linka*, *кинокомедия – filmová veselohra*, *консультант – právní poradce*), одно простое словосочетание имеет модель сущ. + сущ. (*авиаконструктор – konstrukter letadel*). Незначительное количество слов представлено сложными сочетаниями (например, модель прил. + прил. + сущ.: *акваплан – vlečný vodní kluzák*, *велодром – cyklistická závodné dráha*, *велокросс спорт. – cyklisticky terénní vávod*, *электрокар – elektricky plošňový vozík*).

Слова, содержащие в себе иноязычную и русские части, представлены в чешском следующим образом:

I. Простыми словосочетаниями. Модели: прил. + сущ. (*бензосклад – benzinový sklad*, *кинозвезда – filmová hvězda*, *литературовед – literární vědec*, *радиосеть – rozhlasová síť*, *спецодежда – pracovní oblík*, *телебашня – televizní věž*, *электропила – elektrická pila*), сущ. + (предл.) + сущ. (*бахчеводство – hěstování melouni [tykví]*, *газообмен – výměna plynů*, *иглометрия – léčba akupunkturou*, *картофелекопалка с.-х. – vyorávač brambor*, *радиослушатель – posluchač rozhlasu*, *табаковод – pěstitel tabaku*, *машиноведение – nauka o strojích*).

II. Сложные сочетания слов и конструкции описательного характера (например, *авианосец – mateřska letadlová loď*, *автопоезд – nákladní vůz [tahač] s hřívěsy*, *радиомочка – zařízení pro rozhlas podrátě*, *райсовем – rada okresního národního výboru*).

Заемствованные слова в русском очень часто являлись основой для образования новых слов при помощи русских аффиксов. В чешском же языке значение таких слов передается аналитически:

I. Простыми словосочетаниями прил. + сущ. (*анисовка – anyzová vodka*, *валерьянка – valeriánové karpu*, *канонерка – dělový člun*, *картонка – lepenková [kartónová] krabice*, *лоточник – rouliční prodavač*, *сезонник – sezónní dělník*, *текстильщик – textilní dělník*, *фрикаделька – masový knedlíček*, *шутлерство – falešná hra*), сущ. + (предл.) + сущ. (*армеец – příslušník armady*, *вафельница – forma na oplatky*, *гипертоник – nemocný hypertonií*, *дрессировщик – krotitel [cvičitel] zvířat*, *кепка – čepice se štítkem*, *курсовка – roukázka do lázní [na léčení a stravu bez ubytování]*, *лампадка – lampička před ikonou*, *салатник – mísa na salát*).

II. Сложными конструкциями описательного характера (*зюйдвестка разг. – široký nepřetokavý námořnický kloubouk*, *массовик – organizátor masových zábavných podniků*, *ракетчик – voják raketového vojska*, *бакенщик – dozorce obsluhující boje*, *дипломник – student pracující na diplomní práci*, *кастелянша – hospodářka mající na starosti prádlo [v nemocnici apod.]*, *мампоска – námořnická blůza s širokým límcem*, *табельщик – kontrolor docházky do práce*, *чайница – krabička [nádobka] na ushovu čaje*).

Мы видим, что носители русского языка более благосклонно относились к заимствованной лексике. Это связано с тем, что становление русского литературного языка происходило в тот период, когда Россия принадлежала к числу наиболее влиятельных независимых европейских держав. Становление же национального чешского литературного языка происходило в рамках Австрийской монархии, где господствующей народностью оказалась немецкая; Габсбургская политика вызвала к жизни интенсивную германизацию, которая таила в себе угрозу полной ассимиляции чешского языка немцами. Соответственно и отношение к иноязычному, «чужому» в России было менее враждебным, чем в Чехии.

Большинство заимствований в чешском языке представлено простыми словосочетаниями определительного характера (модель: прилагательное + существительное). В аналитических номинантах такого типа прилагательное либо указывает на какой-то характерный признак существительного (например, *бра – nástěnný svícen*, *акушерка – porodní asistentka*, *валморна муз. – lesní roh*), либо раскрывает содержание части сложного слова (например, *авиалиния – letecká linka*, *кинокомедия – filmová veselohra*, *спецодежда – pracovní oblik*). Сочетание прилагательное + существительное раскрывает и значение слов, образованных при помощи русских аффиксов на основе иноязычного слова: *анисовка – anyzová vodka*, *валерьянка – valerianové karky*, *сезонник – sezónní dělník* (существительному в чешском, как правило, соответствует русский аффикс).

Сложные конструкции определительного характера представляют сравнительно небольшую группу слов (например, *танер – hudebník hrající k tanci*, *дипломник – student pracující na diplomní práci*, *матроска – namornická bluza s širokým límcem*).

¹ Ровдо И. С. Лексические лакуны как отражение интра- и экстралингвистических факторов в сопоставляемых языковых системах: В 3 т. Biatystoh, 1995. Т. 3. С. 207

² См.: Современный русский язык. Ч. 1. Фонетика. Лексикология. Фразеология / Под. ред. П.П. Шубы. Мн., 1998. С. 250.

³ Влчек Й. Я. Русско-чешский словарь=Rusko-cesky slovník: 40 000 slov. М., 1985

⁴ Rusko-cesky=cesko-rusky slovník / Sroufkova M., Plesky R., Statní M. Pedagogické Nakladatelství Praha, 1987.

Дятко Инна Михайловна – аспирантка кафедры русского языка. Научный руководитель – профессор И.С. Ровдо

